

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАН, ОКАЗЫВАЮЩИХ ИЛИ ОКАЗЫВАВШИХ СОДЕЙСТВИЕ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Согласно ст. 41 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей. Ст. 10 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) регламентирует право граждан на оказание содействия органам, осуществляющим ОРД на конфиденциальной основе по раскрытию преступлений или при проведении различных оперативно-розыскных мероприятий. Тем самым данная категория граждан, с одной стороны, реализует конституционное право, а с другой – оказывает государству помощь в борьбе с преступностью. В этой связи социальная защита личности, прежде всего граждан, оказывавших или оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД (далее – конфидененты), приобретает особое значение.

Законодательством Республики Беларусь установлен определенный объем компенсаций, формирующих правовые основы для осуществления государственных гарантий, социальной защиты конфиденентов. В ст. 54 Закона об ОРД, а также в нормативных правовых актах органов, уполномоченных осуществлять ОРД, указано, на какую социальную защиту могут рассчитывать конфидененты при условии правомерного выполнения ими своего общественного долга.

Можно выделить следующие социальные гарантии, которые предоставляются конфиденентам, участвующим в ОРД:

1. Пенсионное обеспечение:

пенсия на общих основаниях (ч. 1 ст. 54 Закона об ОРД);

пенсия семье по случаю потери кормильца (ч. 2 ст. 54 Закона об ОРД);

пенсия по инвалидности (ч. 3 ст. 54 Закона об ОРД);

2. Денежное обеспечение.

Так, конфидененты имеют право заключать контракт с органами, осуществляющими ОРД (ч. 5 ст. 10 Закона об ОРД). Органы, осуществляющие ОРД, также наделены данным правом (ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД). На наш взгляд, учитывая всю специфику оказания конфиденциального содействия, можно говорить о том, что конфидененты участвуют в трудовой деятельности оперативных подразделений. Однако было бы неверным утверждать, что деятельность конфиденентов в полной мере урегулирована нормами трудового законодательства, а возникающие правоотношения являются трудовыми. Очевидно, что требования, необходимые для заключения трудового договора, влекущего за собой соответствующие трудовые отношения, не применимы в сфере осуществления конфиденциального сотрудничества граждан и органов, осуществляющих ОРД. В качестве юридического факта, порождающего возникновение, изменение или прекращение правоотношений между конфиденентами и соответствующими органами, следует рассматривать контракт, типовая форма которого утверждена оперативно-розыскным законодательством, а не трудовой договор. В свою очередь, выполнение отдельных положений, предусмотренных Трудовым кодексом Республики Беларусь в сфере ОРД невозможно, поскольку они противоречат нормам, предусмотренных Законом об ОРД. Например, согласно ст. 18 ТК один экземпляр трудового договора передается работнику. В ОРД передача контракта конфидененту недопустима, поскольку это противоречит принципу конспирации. В соответствии со ст. 21 ТК заключение трудового договора допускается с 16 лет, а ст. 51 Закона об ОРД гласит, что органы, осуществляющие ОРД, могут заключать контракты с совершеннолетними гражданами. Таким образом, вполне очевидно, что требования, необходимые для заключения трудового договора, влекущего за собой соответствующие трудовые отношения, не применимы в сфере осуществления конфиденциального сотрудничества граждан и органов, осуществляющих ОРД. В связи с этим данные отношения нельзя считать трудовыми правоотношениями, и, как следствие, они не могут быть оформлены трудовым договором. Указанные отношения следует рассматривать как специфические оперативно-розыскные правоотношения, которые возникают в процессе взаимодействия конфиденентов и оперативных подразделений.

3. Медицинское обеспечение.

В ч. 3 ст. 10 Закона об ОРД закреплено право на компенсацию затрат, понесенных в связи с участием конфиденента в ОРМ, а также на устранение наступивших вследствие ОРМ негативных последствий. В качестве негативных последствий, на наш взгляд, можно рассматривать вред здоровью конфиденентов, наступивший в результате противоправных действий лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние. На основании вышесказанного следует обратить внимание на проблему отсутствия законодательного закрепления компенсационных выплат конфиденентам со стороны органов, осуществляющих ОРД, в случае получения конфиденентами телесных повреждений, связанных с их участием в подготовке или проведении ОРМ, не исключающих дальнейшего их участие в борьбе с преступностью по состоянию здоровья.

4. Обязательное государственно-социальное страхование.

Государственные социальные гарантии предоставляются конфиденентам, а также их семьям и гражданам, находившихся на их иждивении, в случае:

гибели (смерти) конфиденента (ч. 2 ст. 54 Закона об ОРД);

получения конфиденентом телесных повреждений, исключающих его возможность дальнейшего оказания конфиденциального содействия органам, осуществляющим ОРД (ч. 3 ст. 54 Закона об ОРД);

Также необходимо обратить внимание на проблему отсутствия законодательного закрепления предоставления страховых выплат, позволяющих возместить конфидененту или его близким причиненный вред в случае уничтожения или повреждения их имущества.

5. Иные денежные выплаты.

В Законе об ОРД законодатель предоставил конфиденентам ряд прав, позволяющих получать им денежные выплаты. При этом данные выплаты носят как компенсационный характер, так и материально-стимулирующий (ч. 3 ст. 10 Закона об ОРД). Конфидененты имеют право:

предоставлять органам, осуществляющим ОРД, на безвозмездной или возмездной основе сведения, необходимые для выполнения задач ОРД;

предоставлять принадлежащие им на праве собственности, находящиеся у них в пользовании помещения, транспортные средства, средства связи, иное имущество для использования по договору органам, осуществляющим ОРД;

получать вознаграждение и другие выплаты, которые не указываются в декларации о доходах и имуществе, в соответствии с Законом об ОРД и иными актами законодательства.

Таким образом, социальную защиту лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, по своему содержанию можно подразделить на пенсионную, материальную, медицинскую, государственно-социальную и иные денежные выплаты.

УДК 347.469.1

Т.М. Халецкая

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

С момента закрепления в отечественном законодательстве института медиации не перестает терять актуальности спор относительно природы медиативного соглашения. Участники этого спора, как правило, занимают одну из двух позиций: медиативное соглашение рассматривается либо как гражданско-правовая сделка (А.А. Фуртак, А.Н. Яковлева), либо как межотраслевой институт (В.С. Каменков, М.О. Владимирова). Данный спор усугубляется тем, что в законодательстве ряда зарубежных стран, в которых медиация начала применяться гораздо раньше, вопрос о правовой природе медиативных соглашений также решен неоднозначно. Например, в Законе Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» в п. 4 ст. 27 указывается, что соглашение об урегулировании спора, заключенное до рассмотрения гражданского дела в суде, представляет собой сделку, направленную на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон. Как видно из данного определения, правовая природа медиативного соглашения поставлена в зависимость от того, на какой стадии произошло его заключение – до рассмотрения гражданского дела в суде или после передачи его на рассмотрение.

Иначе решен вопрос в российском законодательстве. В частности, в соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. Следовательно, по смыслу российского законодательства сделкой признается лишь медиативное соглашение, заключенное по спору, вытекающему из гражданских правоотношений, заключенное в ходе внесудебной медиации.

Отечественный законодатель вообще не определяет правовую природу медиативных соглашений, давая в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» следующее определение: медиативным соглашением признается соглашение, заключенное сторонами по результатам переговоров, проведенных в порядке, предусмотренном законом «О медиации», в целях урегулирования спора (споров).

Для выяснения того, является ли медиативное соглашение сделкой, необходимо сначала разобраться, что же такое сделка. В соответствии со ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Если для заключения сделки необходимо выражение согласованной воли двух сторон либо трех или более сторон, то такая сделка именуется договором. В свою очередь, в п. 1 ст. 390 ГК договор определяется как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Анализируя договор-сделку, М.И. Брагинский отмечает, что, во-первых, договор-сделка – это соглашение (совпадение воли сторон). По мнению ученого, «...сделка, совершенная в виде соглашения... может быть только договором». Во-вторых, признаком, квалифицирующим договор как сделку, является ее направленность на возникновение взаимных прав и обязанностей.

Несомненно, что для медиативного соглашения характерно совпадение воли сторон, поскольку само применение медиации осуществляется исключительно на основании соглашения (ст. 10 Закона «О медиации»), а медиативное соглашение есть не что иное, как результат добровольного, взаимного и отвечающего интересам обеих сторон соглашения. Медиативному соглашению присуща, по нашему мнению, направленность на возникновение взаимных прав и обязанностей. Об этом свидетельствует прежде всего обозначенная в ст. 1 Закона «О медиации» цель медиативного соглашения – урегулирование спора (споров). Для достижения этой цели стороны в обязательном порядке должны включить в медиативное соглашение условие о принятиях на себя обязательствах, направленных на урегулирование спора (п. 1 ст. 15 Закона «О медиации»).

Таким образом, на наш взгляд, нет оснований не согласиться с мнением о том, что медиативное соглашение – это договор-сделка. В то же время использование законодателем в ст. 1 Закона «О медиации» термина «медиативное соглашение», а не «медиативный договор» считаем оправданным и не противоречащим сделанному нами выводу. Само понятие «договор» большинством ученых признается гражданско-правовым термином, тесно связанным с наукой гражданского права, в рамках которого и было разработано определение договора. И это не подлежит сомнению. Однако, как отмечается в современной литературе, сегодня понятие «договор» активно используется и в иных отраслях права (трудовом, семейном и т. д.). Как отмечает М.О. Владимирова, на современном этапе наблюдается «экспансия договорной формы в различные области регулирования отношений... существуют международные договоры, трудовые, политические между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, и т. д.». В п. 1 ст. 2 Закона «О медиации» указано, что данный закон регулирует отношения, связанные с применением медиации в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений. В связи с этим считаем возможным согласиться с высказанным А.А. Фуртак мнением о том, что термин «медиативное соглашение» применительно ко всем